

пешком в историю

203

А. Зиганшин, И. Федотов, А. Крючковский, Ф. Поплавский в Сан-Франциско. 1960

очерк

Ясур Мадриков

«Зиганшин-буги! Зиганшин-рок!..»

«Зиганшин-буги! Зиганшин-рок! Зиганшин съел чужой сапог!» – напевала о нашем земляке Асхате Зиганшине в 1960-х вся страна на мотив «Рок-н-ролл вокруг часов» Билла Хейли

Ф. Поплавский, А. Зиганшин дают первое интервью американскому журналисту на авианосце «Кирсардж». Март, 1960

СТРЕЛЬНА – городок на берегу Финского залива в пригороде Санкт-Петербурга. Здесь когда-то располагалась одна из резиденций российских царей. Резиденция состояла из целого комплекса дворцово-парковых ансамблей восемнадцатого и первой половины девятнадцатого веков. Комплекс служил промежуточным звеном на «царской дороге» между Петродворцом и Санкт-Петербургом. В этом историческом городке живёт герой моего рассказа, наш земляк Асхат Рахимзянович Зиганшин. Из окон его дома просматривается сказочная акватория Финского залива, через дорогу раскинулся величественный Орловский парк, названный по имени фаворита Екатерины II графа Орлова. По правую и левую стороны расположились дачи царских вельмож екатерининских и более поздних времён – графини Дашковой и великого князя Михаила. Окна квартиры Зиганшиных выходят в сторону Константиновского дворца. Наша последняя встреча со знаменитым земляком состоялась буквально за месяц до знаменательной даты – 50-летия начала эпопеи группы советских моряков в бушующем Тихом океане.

В гостях у самого знаменитого татарина 1960-х

Мой друг Асхат Зиганшин коренным Петербуржцем не является. С Северной Пальмирой он связал вторую половину своей жизни.

Мама его, Хатима-ханум, родилась в селе Сарабикулово бывшего Шугуровского, ныне Лениногорского района республики. Отец Рахимзян-абый родом из деревни Старое Утямышево Первомайского, ныне Черемшанского района. В Старом Утямышеве в начале тридцатых годов родились две старшие сестры и брат Асхата. Как и все деревенские, семья жила в острой нужде. В те годы советская власть бесчинствовала, отбирая последний кусок хлеба у своих сограждан. Семья обосновалась на железнодорожной станции Шентала Самарской области. В посёлке жили русские, татары и мордва. Только здесь хозяин большой семьи облегчённо вздохнул. Рахимзян-абый устроился на работу и построил домик. В 1938 году в Шентале родился последний сын Зиганшиных – Асхат.

Мы, дети войны, ходили тогда в чём попало. Рады были куску хлеба. Но учились остервенело, порой забывая тяготы послевоенных лет, приходилось ведь работать на полную катушку. Вот и школьник Асхат помогал по хозяйству. Когда окончил восемь классов, поступил в училище механизации сельского хозяйства в Шентале. Получил профессию тракториста-машиниста широкого профиля. Работал два года в МТС. До армии он не видел больших городов. Не видел и больших рек, не говоря уж о морях и океанах. Жизнь Асхата ограничивалась летом бескрайними чернозёмами, зимой – стенами ремонтных мастерских и родного дома.

Итак, мы сидим в уютной двухкомнатной квартире Зиганшиных. В Стрельне он живёт с 1991 года. Его го-

степриимная супруга Райса Исаковна, к сожалению, скончалась полтора года назад. Когда она была жива, Зиганшины бывали у меня в гостях, в Казани и Набережных Челнах. Я их возил на малую родину Асхата в Черемшанский район. Особенно нравилось им приезжать ко мне в дни праздника Сабантуй.

Раньше Зиганшины жили в Ломоносове. Это рядом с Петродворцом. В той квартире осталась старшая дочь Галия с семьёй. В Стрельне в одном доме с отцом в отдельной квартире живет младшая дочь Альфия. Обе дочери получили высшее образование.

В квартире Зиганшиных я всегда подолгу смотрю на большую картину, на которой среди бушующих океанских волн видна дрейфующая самоходная баржа. Асхат Рахимзянович, несмотря на восьмой десяток свой, энергичен и коммуникабелен. Здесь же, в комнате, хранится изящно изготовленный макет самоходной баржи с выгравированной на металлической пластине надписью: «Младшему сержанту Зиганшину в память о борьбе со стихией Тихого океана. Военный Совет Дальневосточного округа. 1960 год».

Несколько таких макетов были подарены членам героического экипажа самоходной баржи «Т-36» Асхату Зиганшину, Анатолию Крючковскому, Филиппу Поплавскому и Ивану Федотову, а также американским лётчикам, спасшим наших солдат, и командиру крейсера «Кирсардж», приютившему «путешественников» в первые дни после их спасения.

В квартире Зиганшиных в Стрельне хранится также ключ города Сан-Франциско, который мэр города Джордж Кристофер вручил советским солдатам за их мужество.

Хозяин квартиры показывает гостям и художественный фильм «49 дней», поставленный «Мосфильмом» в 1962 году по мотивам подвига Асхата Зиганшина и его друзей, а также кассету о последнем посещении Шенталы, татар-

станского Лениногорска, где живут его старшие сёстры Саня и Наиля. В год 50-летия подвига группы советских солдат в Тихом Океане я снова пригласил моего друга Асхата Зиганшина в гости на празднование Сабантуя.

Самара – Курилы

206

20-летнего Асхата призвали в армию в августе 1958-го. Тогда ему, родившемуся и выросшему в лесостепи и смело орудовавшему рычагами сельхозтехники, и во сне не приснилось бы, что дальнейшая его жизнь будет связана с морской стихией.

Более двух недель длилось путешествие по необъятным просторам СССР до места будущей воинской службы – берегов Тихого океана. Призывник осознал громадность территории страны и что родная Шентала всего лишь небольшая точка в этом бескрайнем мире.

Два месяца новобранцы рыли глубокие котлованы под ракетные установки в Советской Гавани. Потом 35 самарских ребят отправили в Южно Сахалинск, в школу старшин-рулевых, где готовили капитанов маломерных судов. После восьми месяцев учёбы младший сержант Асхат Зиганшин попал на остров Итуруп Курильской гряды и был назначен старшиной самоходной баржи «Т-36».

Итуруп – это самый крупный остров в группе Курильских островов, доставшийся Советскому Союзу после войны 1945 года и административно входящий в состав Сахалинской области. Прямым назначением самоходки была перевозка военной техники, поскольку это судно могло подходить к любому необорудованному берегу и разгружаться.

На самоходной барже «Т-36» было два дизельных двигателя по триста лошадиных сил. Экипаж судна состоял из четырёх человек. Предыдущий состав, отслужив свой срок, был уволен в запас. Младший сержант Зиганшин самостоятельно принял самоходку. Через

несколько месяцев на баржу прибыли два выходца с Украины, мотористы, рядовые Анатолий Крючковский и Филипп Поплавский. Они тоже окончили школу мотористов на Сахалине. Вскоре экипаж дополнил первогодок, рядовой Иван Федотов, родом из Амурской области.

На острове всё было привозное. Большие океанские суда, гружённые углём, техникой, продуктами питания, не могли причаливать к берегу. Они вставали на рейде, и с помощью самоходных барж груз доставлялся на берег. Залив выходил в открытый океан. Судов с грузами приходило много. Разгружали их днём и ночью.

На берег парни сходили редко. Только за продуктами и пресной водой. Судовой кубрик на четыре койки был местом их постоянного обитания. Топили буржуйку углём и готовили пищу сразу на несколько суток.

В конце ноября и начале декабря навигация заканчивалась. Корабли переставали ходить до весны, хотя океан не замерзал. Все шесть самоходных барж с помощью тракторов вытаскивали на берег. Но в середине января 1960 года командиры сообщили, что к берегу Итурупа должен подойти корабль с мясом. Большое судно затерялось где-то в океанских просторах и задерживалось. Две самоходные баржи «Т-97» и «Т-36» буквально спихнули в океанскую пучину, дав экипажам по 1,5 тонны дизельного топлива на трое суток, продуктов и пресной воды на то же время. Самоходка младшего сержанта Зиганшина встала на бочку-поплавок, и за неё, за 36-ю, зацепилась 97-я.

Рядовой А. Крючковский, генерал армии Ф. Голиков, рядовой И. Федотов, Министр обороны СССР Р. Малиновский, сержант А. Зиганшин, маршал Советского Союза А. Гречко, рядовой Ф. Поплавский

Прошло три дня. Кончились продукты. Буржуйку углём топили экономно. Снаружи было уже минус восемнадцать.

За бортом поднимался страшной силы ураган. Залив гудел. Волны достигали высоты многоэтажного дома.

Борьба у берега

Ночь на 17 января была бессонной. Разве уснёшь в такую бурю! С берега по радиации передали, что сила ветра 50 метров в секунду и ожидается до 70-ти. Такой натиск стихии ребята испытывали не впервой. И в этот раз они думали, что всё уладится. Но нет. В девять утра, не выдержав натиска стихии, лопнул трос, соединявший 36-ю самоходку с бочкой-поплавком, и две баржи в одной связке понесло в открытый океан. Ребята не испугались. Они отсоединили 97-ю, чтобы не било, и каждая самоходка начала двигаться самостоятельно.

Зиганшин связался по радиации с командованием и доложил о случившемся. С берега дали команду завести двигатели и следовать к местечку Касатка на восточном побережье залива. Ребята запустили двигатели и начали идти по указанному курсу, стремясь не терять из виду вторую самоходку и в случае необходимости помочь. Волны были громадные – 6–8 метров высоты. Шёл сплошной снегопад. Никакой видимости. Через несколько минут самоходки потеряли друг друга из виду. В таких экстремальных случаях экипаж через каждые пятнадцать минут должен

был по радию докладывать командованию о ситуации на самоходке. Однако рация отказала.

Дул сильнейший юго-восточный ветер, который ещё не гнал самоходку в открытый океан. Около 19 часов установилась некоторая видимость. Ребята увидели кромку берега, постройки. Однако через считанные секунды ветер поменял направление. Подул с северо-запада, то есть со стороны острова Итуруп. Самоходку понесло в просторы океана. Экипаж сделал попытку выбраться на берег, хотя это было очень рискованно: слева камни, правее песок. Когда стали подходить к суше, самоходка чуть не столкнулась с Чёртовой скалой! Зиганшин чудом развернул судно, тем самым уберёг команду от неминуемой гибели.

Но удар огромной океанской волны и резкий разворот сделали своё дело. Сбило с места ящик с запасом угля и бочонок с питьевой водой. Окончательно разбило рацию. Когда немного отошли

от берега, экипаж сделал вторую попытку выйти на песок. Уже чувствовалось дно залива, но начали глохнуть двигатели – кончилось дизельное топливо. Судно потеряло ход и управляемость, его стремительно понесло от берега.

Экипаж понимал, что ураганный ветер и огромные волны выталкивают их в открытый океан. Встать на якорь при такой силе ветра невозможно. У ребят были свои морские часы. Судя по ним, в открытый океан самоходку № 36 вынесло в 10 часов вечера. Было очень холодно. Баржа превратилась в огромный кусок льдины. Глубина океана составляла уже больше километра. Пятьдесят метров троса с якорем ничего не значили.

Положение действительно сложилось аховое. Однако ребята не теряли присутствия духа. Они надеялись, что через день-два шторм утихнет, установится видимость, и баржу найдут свои или какие-нибудь сторонние самолёты или плавсредства.

Вездесущее око...

Поскольку рация на судне в первые же минуты разгула стихии отказала, командование ничего другого не могло придумать, как заявить, что четвёрка военнослужащих на самоходной барже воспользовалась природной стихией и переметнулась к американцам. Спустя десятилетия принцип тридцать седьмого года продолжал действовать. Вездесущее око госбезопасности не дремало. Ему всюду мерещился образ врага, изменника-перебежчика. По инстанциям было сообщено, что на базу успешно вернулась самоходная баржа «Т-97». А «Т-36» бесследно исчезла.

Искать в океанской стихии самоходку с экипажем никто не собирался. Действовать стали по-другому. В Шенталы приехала спецгруппа. Перерыли родительский дом Асхата Зиганшина, подсобные помещения: нет ли крамольных материалов, писем... Допросили

родных и соседей: что, мол, представлял собой парень до армии. Много дней стерегли дом Зиганшиных: не вернётся ли к родителям «сын-дезертир». Проверяли родственников и друзей Зиганшина в Лениногорском и Черемшанском районах. Словом, «дезертир» Асхат задал много работы органам государственной безопасности Татарии и Куйбышевской области. То же самое было в Амурской области на родине рядового Ивана Федотова, на Украине – на родине Филиппа Поплавского и Анатолия Крючковского.

Родители молодых людей почти два месяца сходили с ума от неизвестности и подозрительного отношения к себе властей.

Вот так искала своих соотечественников, попавших в беду, родная страна, вернее, опричники государственной машины.

49 дней дрейфа в Тихом океане

Океан не переставал бушевать. Волны ходили, как живые многоэтажные дома, над ними гуляла пурга – ни зги вокруг не видно. Баржу болтало яичной скорлупкой. Ребята пытались починить рацию и подать сигнал бедствия. Но из этой затеи ничего не получилось. Продуктов не было. В машинном отделении осталось килограмма полтора картошки, но она вся пропиталась соляжкой. Но картошку предусмотрительно не выбросили. Позже её ребята всё-таки съели.

Воду брали из системы охлаждения двигателей. Она была ржавая, зато пресная. Другой нет. Её использование строго ограничивали. Океанскую воду пить нельзя – солёная. По капелькам собирали снеговую, позже – дождевую воду. Была буханка хлеба. Ребята съели её по кусочкам впервые же дни дрейфа. Оставалась банка тушёнки. В нескольких ёмкостях из-под сухого молока нашли немного сечки и шловки. С первых дней ребята расходовали всё это очень экономно. Брали две картофелины, пропитанные соляжкой, чуть-чуть тушёнки, щепоть крупы и варили похлёбку. Хорошо хоть сохранилось три коробки спичек. Уголь собирали по крупичкам, а для розжига использовали деревянные части кровати.

Асхат Зиганшин нашёл в кубрике газету, почитал и ахнул. Оказывается, в те дни испытывались советские баллистические ракеты. Всем видам транспорта, в том числе самолётам, запрещалось до марта текущего года заходить как раз в тот район Тихого океана, куда несло самоходку «Т-36».

Вместо четырёх кроватей на судне соорудили одну широкую, и все четверо укладывались в ряд, прижавшись друг к другу – сохраняли таким образом тепло. В первые дни, когда ещё были силы, солдаты работали – скалывали лёд с корпуса баржи, чтобы судно не пошло ко дну.

На пятой неделе на небе появились звёзды, потеплело. Самоходку с плен-

никами несло уже мимо Японии к Гавайским островам.

Но тут обрушилась ещё одна беда. В корпусе самоходки образовалась пробоина, и океанская вода стала поступать в судно. Воду откачивали ручным насосом. Потом нашли на палубе автомобильный домкрат и при его помощи заделали пробоину доской.

За жизнь боролись все четверо без исключения. На палубе подобрали несколько гвоздей и кусков проволоки. Сделали что-то наподобие удочек и попытались ловить рыбу. Даже посмеивались: рыбакам с фамилиями Поплавский и Крючковский должно обязательно повезти. Однако ничего не получилось. Океан всё время бушевал, и приспособления ребят постоянно срывало в пучину или наоборот – забрасывало на борт.

Топить буржуйку стало нечем. По бортам самоходки были привязаны автомобильные покрышки. Парни отрывали эти покрышки, резали столовым ножом на мелкие кусочки и топили буржуйку, чтобы сварить похлёбку. Есть хотелось постоянно. В свободные минуты только о еде и говорили. Но самое главное, ребята не теряли надежды...

Когда парни работали, то обязательно оставляли одного на вахте – или в рубке, или у иллюминатора, чтобы не пропустить какой-нибудь спасительный транспорт. Такой случай выдался на сорок пятые сутки дрейфа. Ночью увидели вдаль огонёк. Он был таким близким, тёплым, родным, обнадеживающим... Ребята кричали, махали руками. Но они были очень слабы и не было спецсредств. Огонёк исчез также внезапно, как и появился.

Днём опять увидели проходящее судно. Собрали ветошь, немного масла с дизелей, развели огонь и подали сигнал бедствия. Однако опять их не заметили. В следующую ночь снова увидели двигающийся огонёк. Опять бесполезно. На ребят нахлынула такая обида –

хоть волком вой. Однако зёрна надежды в душах дрейфующих зародились. Раз суда стали встречаться часто, значит, самоходку стихия вывела в район интенсивного движения.

Под конец мореплаватели по неволе совсем обессилили. Еле ходили. Больше лежали, прижавшись друг к другу. Есть хотелось неимоверно. Асхат начал грызть кожаный ремешок у часов. Он вспомнил, что ещё в начальной школе учительница говорила: когда рыбаки терпели бедствие, то с мачт судов сдирали кожу, варили и ели. Потом он вспомнил, что сверхсрочник Лебедев, увольняясь в запас, оставил свой кожаный ремень. Такие ремни давали тогда только сверхсрочникам. По предложению Асхата нарезали этот ремень, как лапшу, и бросили в кастрюлю. Получилось подобие похлебки.

Однако кожа оставалась кожей. Только разбухнет немного и всё. Вкуса никакого. Просто их проглатывали, чтобы хоть что-то присутствовало в желудках. Потом в ход пошли кожаные ремни от переносной радиостанции. Выдрали

кожаные куски с кирзовых сапог. Их валялось семь пар, ещё старослужащие оставили. Съели и сапоги. Кусочки сапога кипятили в солёной океанской воде и с «наваром» гуталина проталкивали в пищевод. Экипажу «Т-36» от демобилизованных ребят досталась гармошка-хромка. Во время качки она упала на пол и развалилась. Детали, кусочки её пошли за «первый сорт» – уже без гуталина.

В таких ситуациях немало людей лишаются рассудка. Некоторые начинают себя вести неадекватно, даже покушаются на людоедство. Ребята на «Т-36» не теряли присутствия духа, подбадривали друг друга. Верили, что их ищут, что их найдут. При наших с ним беседах Асхат Зиганшин постоянно повторял:

– О печальном конце ни минуты не думали, постоянно жили в ожидании помощи и надеялись на спасение. Мы как бы запрограммировали себя на спасение, на жизнь. Если бы не надеялись на счастливый исход, долго бы не продержались...

На борту американского авианосца

На сорок девятое сутки на самоходке оставались три спички и полчайника ржавой пресной воды. На сорок девятое сутки обессиленные ребята лежали в полудрёме на импровизированной кровати. Есть уже не хотелось. Чувство голода исчезло. Вдруг во второй половине дня послышался какой-то странный гул. Асхат с трудом поднялся на палубу и увидел над баржей несколько военных самолётов. Он помог выбраться остальным членам экипажа. На радостях все четверо обнялись. Они не знали, чьи это самолёты, но были убеждены, что спасены.

Самолёты улетели. Вскоре появились вертолёты и повисли над баржей «Т-36». С вертолёта выбросили петли и начали показывать жестами: садитесь, мол. А у ребят мысли были о другом: по-

просить продуктов, топлива и двинуться к советским берегам. Такие бредовые мысли, безусловно, могли придти только в головы вчерашних колхозников, верных патриотов своей Родины.

К самоходке подошёл большой иностранный корабль, застопорил ход, постоял немного и ушёл. Улетели и вертолёты. Возможно, на корабле подумали, что потерпевшие на барже сели в вертолёт. Корабль уже был еле виден. Асхат Зиганшин и его товарищи из всех сил начали кричать и махать руками в сторону уходящего корабля. Большое судно снова подошло к барже. Вернулись и вертолёты. Очевидно, с корабля прочитали надпись на самоходной барже «Т-36» и поняли: она советская. С борта на ломаном русском языке по громкоговорите-

лю сообщили: «Окажем помощь». Вертолёты снова выбросили петли. Асхат Зиганшин, как старший по барже, полез первым. Он намеревался переговорить с иностранцами о матпомощи. А во всех советских газетах того времени писали, что Зиганшин покинул баржу последним.

За считанные минуты сержанта аккуратно опустили на палубу военного корабля, как выяснилось позже, американского авианосца «Кирсардж». Не успел Асхат опомниться, как рядом с ним оказался Филипп Поплавский. Второй вертолёт перебросил Ивана Федотова и Анатолия Крючковского. Солдат завели в какой-то тамбур. Вокруг собралось много американских моряков, которые с удивлением разглядывали обросших путешественников в грязных робах. Им дали небольшие миски с бульоном и по кусочку хлеба. Они всё это проглотили в мгновение ока.

– Ещё? – спросил офицер, немного говоривший по-русски. Как оказалось, он имел русские корни и носил фамилию Кузнецов.

Асхат ещё в детстве слышал, что голодным людям много есть сразу нельзя. Можно погибнуть. Он твёрдо сказал: «Больше не надо».

Парням дали бритвенные приборы, полотенца и повели в душ. В душевой Асхат впервые за 49 суток посмотрел в зеркало и... потеряв сознание, упал. Очнулся в лазарете, где было на удивление тепло, чисто. Кормят с ложечки, кто-то воды подает...

Парни были худыми, как тени. Последние 12 дней дрейфа вообще ничего не ели. В результате похудели в среднем на 25 килограммов. Например, Асхат Зиганшин до начала дрейфа весил 67 килограммов, а после – 40.

Через несколько дней к помывкам, ухоженным советским морякам пришёл командир авианосца в чине адмирала. Подарил каждому по блоку сигарет и зажигалке. В дальнейшем он каждое утро заходил к ребятам и справлялся об их здоровье.

Военные медики тщательно обследовали каждого, делали уколы, ви-

димо, общеукрепляющие. На авианосце никто ни о чём не расспрашивал. Знай только, ухаживали по всем правилам! Ребят подобрали 7 марта 1960 года. Только через трое суток на борт авианосца доставили настоящего переводчика с Гавайских островов. Парни ещё лежали в лазарете. Переводчик хорошо говорил по-русски. Он когда-то был военным атташе посольства США в Москве. Асхат Зиганшин начал «пытать» переводчика: «Куда мы попали? Где наша баржа?» Тот отвечал: «Вас подобрал экипаж американского авианосца «Кирсардж». Баржу американские моряки взять не смогли. В тот район пойдёт другое судно и заберёт её. Вас повезут в Сан-Франциско и передадут в советское посольство».

Спустя несколько лет Асхат узнал у советского военного атташе в США, что их родную баржу «Т-36» уничтожили с военного корабля, чтобы она не представляла опасности для проходящих судов...

...В головах ребят роились разные мысли: вдруг в Москве их примут за изменников Родины?

Вскоре авианосец зашёл на Гавайи и пробыл там несколько суток. Советским мореплавателям никаких лишних вопросов, тем более провокационных, никто не задавал. Забегая вперёд скажу, что и в самой Америке таких вопросов не было.

Парни находились в лазарете с американскими моряками. Отношения были на удивление тёплыми. Если кто из наших захочет, к примеру, пить, сразу несколько человек бегут – кто несёт молоко, кто сок. Каждый хотел угодить. Через несколько дней наших мореплавателей перевели в трёхместные каюты. Двое с самоходки, третий – американец. У дверей поставили часовых. Днём приходил переводчик и все вместе, советские и американские пациенты, собирались в одну каюту, крутили фильмы, пластинки. Потом в одном из конференц-залов собиралась команда американских моряков, и часа два все пели, играли на музыкальных инструментах, развлекая неожиданных гостей.

На авианосце была удивительно добрая атмосфера. В общем, всё правильно. Это неписанный морской закон.

Одежду (если то тряпье можно было назвать одеждой) забрали и выдали новую, добротную. Лохмотья выстирали, выгладили, упаковали в мешки и переслали с нашими путешественниками на Родину. Эта одежда долгое время демонстрировалась в Центральном Доме Советской Армии (ЦДСА) в Москве и военно-морском музее в Ленинграде. И сегодня, наверное, она ещё хранится в каких-нибудь запасниках.

Когда информационные агентства разнесли по всему миру весть об одиссее советских моряков, в СССР бдительные службы ещё рыскали по родным и родственникам, собирая информацию, письма, протоколируя беседы...

На восьмые сутки уже на подходе к Сан-Франциско на борту авианосца собрали пресс-конференцию для иностранных журналистов. Перед её началом из Сан-Франциско Асхату позвонил известнейший в те годы писатель и публицист, собственный корреспондент «Правды» в США Борис Стрельников. Спросил о самочувствии. Асхат спросил у него: что такое пресс-конференция? Стрельников вкратце разъяснил и сказал, чтобы ребята не очень-то распространялись, говорили поменьше. И пожелал скорейшего возвращения на Родину. Деревенские парни тогда впервые услышали, что

такое пресс-конференция. Сначала им сказали, что журналистов будет человек десять-пятнадцать. А на авианосец их прибыло больше полусотни.

В огромном зале авианосца было не протолкнуться. Ребят посадили за стол, принесли мороженое. Со всех сторон направили на них свет, защёлкали фотоаппараты, зажужжали съёмочные камеры.

К Асхату Зиганшину прорвался журналист солидного американского журнала:

– Продай историю путешествия экипажа по Тихому океану. Хорошо заработаешь.

Асхат ему:

– Ничего продавать я не буду. Мне домой в Шенталу надо, понимаешь?..

Он представления не имел, что в большом мире можно продать и собственные воспоминания.

Первый вопрос был о том, из каких местностей они родом. Ребята вкратце ответили, кто откуда. Журналистов удивило, что парни из безводной глуши, колхозники-крестьяне, в общем-то, а держались необыкновенно стойко!

Второй вопрос: «Какие английские слова выучили за время пребывания на американском авианосце?» Асхат ответил: «Сенкью – спасибо!»

Были ещё какие-то вопросы. Асхат не запомнил. У него из носа хлынула кровь. Переводчик сказал: «Всё, господа, пресс-конференцию закрываем».

В многоэтажной Америке

Чувствуя приближение родных берегов, американские моряки оживились. Стали поступать предложения. Если, мол, боитесь возвращаться домой, оставайтесь у нас. Вам предоставят убежище.

Асхат Зиганшин твердил своё: «Мы хотим домой».

А сам размышлял: как отнесутся советские власти к тому, что они, советские солдаты, оказались у американцев? Как отчитаются за потерян-

ную баржу? Забегая вперёд, скажу, что тревога не покидала младшего сержанта и в Сан-Франциско, и в Нью-Йорке, куда их перевезли позже. И тогда, когда прилетели в Париж, затем Москву. Асхат Зиганшин успокоился, лишь побывав в своей воинской части и увидев дружелюбное отношение к ним командиров. Надо заметить: командиры успели сообщить родителям солдат о том, что они погибли во время шторма.

Вскоре корабль встал на рейде на подступах к Сан-Франциско. Ребята опять вертолётами перевезли на берег. На них надели спасательные жилеты. В каждый вертолёт посадили по два советских моряка и по два американских сопровождающих. Ничего не скажешь: ценный груз.

На берегу было много народу. Присутствовали советские журналисты, наши студенты, обучающиеся в США, представители советского посольства. Хотя и на чужой земле, но долгожданная встреча со своими соотечественниками радовала.

Парней поместили в фешенебельную гостиницу, прикрепили два шикарных автомобиля и дали гидов. В тот день Асхат Зиганшин и его друзья впервые в своей жизни увидели телевизор. Красивый такой, с большим экраном. И очень удивились, когда на экране появились кадры, как их вертолётами доставляют с авианосца на берег. Звонят по телефону и спрашивают о самочувствии, называя господами. Спусти много лет Асхат Рахимзянович смеялся: «Какие мы «господа»?! Простые деревенские ребята». «Господ» возили по Сан-Франциско, главным морским портам США на Тихоокеанском побережье. Прокатили по висячим мостам через пролив на Окленд (длина моста 13 км) и «Золотые Ворота» (длина пролета 1282 м).

В Сан-Франциско ребята находились двое суток. Их одели в прекрасные костюмы, дали модную обувь. В гостиницу часто звонили из СССР корреспонденты центральных газет: «Алло, алло. Как живы-здоровы?»

За их мужество и стойкость в борьбе со стихией мэр Сан-Франциско Джордж Кристофер вручил советским солдатам ключ от города, сказав: «Наш город всегда открыт для вас...»

Действительно, в этом чудесном городе наших парней окружили заботой, вниманием. В разгар холодной войны 1960-х это, возможно, был одним из самых трогательных и искренних всплесков советско-американской дружбы,

напоминавшей о совместных союзнических действиях в годы Второй мировой войны.

Через двое суток солдат перевезли на самолёте в Нью-Йорк на правительственную дачу советского посольства. Здесь ребятам устроили настоящий отдых. Каждый день возили на экскурсии по городу-мегаполису. Вечерами показывали советские фильмы. Водили по школам, где обучались дети советских дипломатов и работников из Советского Союза.

О Сан-Франциско у ребят остались самые приятные впечатления. Там было тепло. Город гостеприимный, дружелюбный. А Нью-Йорк ребятам не очень понравился. Во-первых, зима. Холодно. Ещё эти высотные мрачные дома-небоскребы, эти стада разномастных автомобилей...

Ребята на даче посольства с упоением читали советские газеты. Все они были полны сообщениями о героической четвёрке советских солдат. Много было телеграмм в их адрес.

Первую телеграмму ребята получили от руководителя СССР Никиты Сергеевича Хрущева. Привожу её содержание полностью:

Младшему сержанту Зиганшину Асхату Рахимзяновичу, рядовым Поплавскому Филиппу Григорьевичу, Крючковскому Анатолию Федоровичу, Федотову Ивану Ефимовичу.

Дорогие товарищи!

Мы гордимся и восхищаемся вашим славным подвигом, который представляет собой яркое проявление мужества и силы духа советских людей в борьбе с силами стихии. Ваш героизм, стойкость и выносливость служат примером безупречного выполнения воинского долга.

Своим подвигом, беспримерной отвагой вы приумножили славу нашей Родины, воспитавшей таких мужественных людей, и советский народ по праву гордится своими отважными и верными сынами.

Желаю вам, дорогие соотечественники, доброго здоровья и скорейшего возвращения на Родину.

Н. ХРУЩЁВ. Москва, Кремль,
15 марта 1960 года.

Эта телеграмма была напечатана в «Правде» в номере за 17 марта 1960 года. Рядом были помещены фото-

графии четверых смельчаков, а также текст телеграммы Н. С. Хрущева президенту США. Приведу небольшую выдержку из этой телеграммы:

Президенту Соединенных Штатов
Америки
господину Дуайту Д. Эйзенхауэру
г. Вашингтон

Уважаемый господин президент! Разрешите выразить Вам, правительству США и командованию американских военно-морских сил чувство глубокой признательности за спасение четырёх отважных советских солдат, которые в течение многих дней мужественно боролись со стихией и невзгодами в просторах Тихого океана.

С уважением
Н. Хрущёв.
Москва, Кремль,
16 марта 1960 года.

Нашими воинами восхищались и за океаном. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Четверо молодых советских солдат (один татарин, двое украинцев, один русский), оставшихся в

живых после самого долгого испытания в результате морского бедствия, были встречены на берегу как герои».

Известный писатель Борис Полевой откликнулся в «Правде» очерком «Четыре богатыря». А другой известнейший писатель тех лет, Леонид Соболев, писал в той же «Правде»:

«Сама жизнь устроила удивительный экзамен. Без всякой подготовки, без всякого выбора она поставила в необыкновенно тяжёлые обстоятельства четырёх советских юношей: Асхата Зиганшина, Филиппа Поплавского, Анатолия Крючковского, Ивана Федотова. Случайно это оказались один татарин, один русский, два украинца. Тракторист, колхозник, слесарь сахарного завода, амурский речник».

В те дни вся Страна Советов напевала на мотив «Рок-н-ролла вокруг часов» Билла Хейли: «Зиганшин-буги! Зиганшин-рок! Зиганшин съел чужой сапог!»

Париж

Ребят хотели отправить в СССР самолётом. Но врач советского посольства Озерова запретила воздушное путешествие. Ведь ребята ещё не окрепли полностью.

После недели отдыха отправили пассажирским теплоходом во Францию. С ними ехали также Борис Стрельников и представитель советского посольства. Если вынужденная одиссея советских солдат на просторах Тихого океана длилась сорок девять суток, то Атлантический океан на фешенебельном океанском лайнере пересекли всего за пять суток. Теплоход прибыл во французский порт Ширбург. Потом на поезде всех доставили в Париж. Была весна.

Город блистал своей красотой. В Советском посольстве по случаю прибытия отважной четвёрки устроили банкет. На столах, кроме изысканных закусок, была гора коньяков, различных вин. К спиртному Асхат не притронулся. Остальные немножко выпили.

Гостям показали вечерний Париж. Ребята впервые в жизни увидели блистательные Елисейские поля, ажурную Эйфелеву башню. Всё было здорово. Всё блистало, аж дух захватывало. Но ребятам не терпелось вернуться домой.

На следующее утро воздушный лайнер «Ту-104» с четвёркой отважных и их сопровождающими на борту вылетел в Москву.

Здравствуй, Родина!

В Москве в аэропорту четвёрку отважных встречал начальник Главного политуправления Советской Армии и Флота, генерал армии Филипп Иванович Голиков с группой генералов и старших офицеров. На площади аэровокзала собрались тысячи москвичей и гостей столицы. Кругом транспаранты, огромные букеты цветов. По площади разносится: «Молодцы! Зиганшину ура!» Асхату дали короткий текст выступления, который он, волнуясь, прочитал на импровизированном митинге. Потом, кое-как выбравшись из многотысячной толпы, на двух автомобилях направились в Москву.

Это был небывалый порыв души встречающих. Столица сияла от радости, что страна вырастила таких отважных ребят. Спустя всего лишь год по этой же триумфальной дороге проедет первый в мире космонавт Юрий Гагарин.

Несколько слов о дальнейшей судьбе ребят. По рекомендации командования все они окончили Ленинградское военно-морское среднетехническое училище.

После училища у каждого был свободный выбор. Асхат пошёл механиком в аварийно-спасательный отряд в Ломоносове под Ленинградом. По вечерам ходил на танцы. Там он познакомился с землячкой Раисой, татарочкой-красавицей родом из Сызрани Куйбышевской области, и вскоре они поженились.

Сорок лет Асхат Рахимзянович проработал в аварийно-спасательном отряде.

Филипп Поплавский после училища тоже жил рядом, в Петродворце. Работал на больших судах, ходил в заграничье. К сожалению, рано ушёл из жизни – в 2001 году. А Иван Федотов умер ещё раньше, всю жизнь проработав речником на могучем Амуре.

Анатолий Крючковский после училища изъявил желание поехать на Север.

Прослужил там недолго, перебрался в Киев. До сих пор живёт в городе на Днепре.

В декабре 2002 года власти Шенталы официально пригласили Асхата Рахимзяновича с супругой Раисой Исхаковной посетить родные места. К своему удивлению Асхат в Шентале обнаружил улицу своего имени и музей, посвящённый ему. Были встречи в администрации района, в школе, где учился, в училище механизации сельского хозяйства, которую когда-то окончил. Зиганшиным вручили кучу подарков. Он ездил в татарский аул Денискино, где до армии на тракторе обрабатывал поля. И здесь, в сельском Доме культуры была большая встреча с земляками.

При последней встрече он мне сказал:

– Я прожил нормальную жизнь. У меня достойные дети, внуки... А всемирная слава? Мне кажется, что ничего особенного и не было. Всё произошедшее – не моя заслуга. Просто обстоятельства каким-то образом сложились в мою пользу. Видимо, Аллах решил испытать меня и моих сослуживцев. Вот и всё...

Асхат Зиганшин, Филипп Поплавский, Анатолий Крючковский, Иван Федотов. Татарин, русский и два украинца. Сегодня эти имена редко кто помнит, а в 1960 годы в СССР их имена звучали в унисон с именами первых советских космонавтов Юрия Гагарина и Германа Титова. Тогда подвиг четвёрки молодых людей воспринимали в стране и мире как достойное продолжение героических свершений, проявленных советскими людьми в годы Великой Отечественной войны.

И мы тоже должны знать и помнить их воинский подвиг в мирное, хотя и не совсем простое время.